

Хроники
Некрономикона

Говард Филлипс Лавкрафт
РЕАНИМАТОР

Издание 3-е

Ростов-на-Дону

 ЕНИКС

2024

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7)-31

КТК 654

Л13

Перевод:

Антонов С.А., Алякринский О.А.,

Останин В.И., Скворцов О.Г.

Иллюстрации Ивана Иванова

Лавкрафт, Говард Филлипс.

Л13 Реаниматор / Г. Ф. Лавкрафт ; пер. с англ. С. А. Антонова, О. А. Алякринского, В. И. Останина, О. Г. Скворцова; примечания В. Н. Дорогоупли. — Изд. 3-е. — Ростов н/Д : Феникс, 2024. — 252, [2] с. : ил. — (Хроники Некрономикона).

ISBN 978-5-222-42263-2

В этот том собрания избранных произведений одного из величайших мастеров фантастики и «литературы ужасов» вошла повесть «Сомнамбулический поиск неведомого Кадата» и подборка рассказов. Бессмертные произведения Лавкрафта гармонично дополняют эксклюзивные рисунки Ивана Иванова.

УДК 821.111(73)-312.9

ББК 84(7)-31

ISBN 978-5-222-42263-2

© Оформление: ООО «Феникс», 2020

© Иллюстрации: Иванов И., 2020

© Перевод: Антонов С.А., Алякринский О.А.,
Останин В.И., Скворцов О.Г.

© Примечания: Дорогоупли В.Н.

СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ
ПОИСК НЕВЕДОМОГО
КАДАТА
ПОВЕСТЬ

СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ ПОИСК НЕВЕДОМОГО КАДАТА

Трижды Рэндольфу Картеру снился этот чудесный город и трижды его вырывали из сна, когда он стоял неподвижно на высокой базальтовой террасе. Весь в золоте, дивный город сиял в лучах закатного солнца, освещавшего стены, храмы, колоннады и арочные мосты, сложенные из мрамора с прожилками, фонтаны с радужными струями посреди серебряных бассейнов на просторных площадях и в благоуханных садах; широкие улицы, тянущиеся между хрупкими деревьями, мраморными вазами с цветами и статуями из слоновой кости, что выстроились сверкающими рядами; а вверх по крутым северным склонам карабкались уступами вереницы черепичных крыш и старинные остроконечные фронтоны — вдоль узких, мощенных мшистой брусчаткой переулков. То был восторг богов, глас божественных труб и бряцанье бессмертных кимвалов. Тайна объяла его, точно тучи легендарную безлюдную гору, и, покуда ошеломленный и мучимый

неясным предчувствием Картер стоял на кромке горной балюстрады, его мучили острая тревога почти что угасших воспоминаний, боль об утраченном и безумное желание вновь посетить некогда чарующие и покинутые им места.

Он знал, что когда-то этот город имел для него некое высокое значение, хотя в каком жизненном цикле или в какой инкарнации он посещал его и было ли то во сне или наяву, он не мог сказать точно. Неясным образом видение этого города вызвало отблески давно позабытой поры юности, когда удивление и удовольствие пронизывали таинство дней, а рассвет и закат равно полнились пророчествами под пронзительные звуки лютни и песни, распахивая ярящиеся врата к новым и еще более удивительным чудесам. Но каждую ночь Картер стоял на этой высокой мраморной террасе, украшенной диковинными вазами и резными перилами, и глядел на тихий предзакатный город, исполненный красоты и неземного смысла, ощущая бремя власти тиранических богов своих грез; ибо никоим образом он не мог ни покинуть эту возвышенность, ни спуститься по широким мраморным ступеням, бесконечно сбегаящим вниз — туда, к объатым старинными ведьмовскими тайнами улицам, что властно манили его к себе.

Когда же он пробудился в третий раз, так и не осмелившись спуститься по лестнице и прогуляться по тихим предзакатным улицам, он долго и истово молился тайным богам своих грез, что гордо восседают над облаками, плывущими мимо неведомого Кадата в холодной пустыне, куда не ступала нога смертного. Но боги не дали ему ответа и не выказали своей милости, как не подарили ему никакого благого знамения, когда он молился им во сне и самоотреченно звал их, прибегнув к помощи брадатых жрецов Нашта и Каман-Та, чей пещерный храм с огненными колоннами находится неподалеку от врат в реальный мир. Казалось, однако, что его молитвы сослужили ему плохую службу, ибо уже после первой из них он вдруг вообще перестал видеть чудесный город, точно прошлые три встречи с ним были лишь случайными миражами или оптическими иллюзиями, и он узрел их в нарушение некоего тайного плана или вопреки воле богов.

Наконец, устав от томления по этим сверкающим предзакатным улицам и загадочным горным проулкам, вьющимся меж древних черепичных крыш, и не способный ни во сне, ни наяву прогнать их от своего мысленного взора. Картер решил отправиться с дерзкой мольбой туда, куда еще никогда не хаживал ни один человек, пересячь во тьме льдистые пустыни и попасть туда, где неведомый Кадат,

сокрытый в облаках и увенчанный невообразимыми звездами, хранит во мраке вечной тайны ониксовый замок Великих богов.

Погрузившись в легкий сон, он одолел семьдесят ступенек к пещере огня и рассказал о своем замысле брадатым жрецам Нашту и Каман-Та. Но жрецы покачали венценосными головами и предрекли ему смерть его души. Они заметили, что Великие уже проявили свою волю и не любят, когда их тревожат назойливыми мольбами. Они напомнили ему также, что ни один человек никогда не был на Кадате, и никто даже не догадывался, в какой части мироздания он находится — то ли в мире грез, обнимающем наш зримый мир, то ли в тех далеких мирах, что окружают какой-нибудь загадочный спутник Фомальгаута или Альдебарана. Если же в мире наших снов, то его, вероятно, можно достичь, ибо лишь трем смертным, с тех пор как возникло время, удалось пересечь черные бездны к сонным мирам, но из этих троих двое вернулись безумцами. В своих путешествиях они встретили бесчисленные испытания, а напоследок их ожидал несказанный ужас, который невыразимо бормотал что-то из-за пределов стройного космоса — оттуда, куда не достигают наши сны; тот последний бесформенный кошмар в средоточии хаоса, который богомерзко клубится и бурлит в самом центре бесконечности — безграничный султан демонов Азатот, имя которого не осмелятся произнести ничьи уста, кто жадно жует в непостижимых, темных покоях вне времени под глухую, сводящую с ума жуткую дробь барабанов и тихие монотонные всхлипы проклятых флейт, под чей мерзкий грохот и протяжное дудение медленно, неуклюже и причудливо пляшут гигантские Абсолютные боги, безглазые, безгласные, мрачные, безумные Иные боги, чей дух и посланник — ползучий хаос Ньярлатотеп.

Обо всем этом предупредили Картера жрецы Нашт и Каман-Та в пещере огня, но он тем не менее не изменил своего решения найти богов на неведомом Кадате в холодной пустыне, где бы он ни находился, и выпросить у них прозрение, и память, и пристанище в чудесном предзакатном городе. Картер знал, что путешествие его будет нелегким и долгим и что Великие ему воспротивятся, но, будучи старожилом мира грез, он понадеялся на помощь многих своих полезных воспоминаний и ухищрений. Итак, испросив необходимого благословения у жрецов и тщательно обдумав свой маршрут, он отважно преодолел семьсот ступенек к Вратам Глубокого Сна и вошел в зачарованный лес.

На потаенных тропинках этой непроходимой чащи, где низкие толстоствольные дубы сплетают протянутые друг к другу ветви и диковинные

грибы на их стволах испускают таинственное сияние, обитают хитрые и необщительные зуги, которым ведомо много темных тайн сонного мира и кое-какие тайны мира явного, ибо сей лес двумя опушками подступает к жилищам людей, хотя где именно — сказать нельзя. Там, куда пробираются зуги, множатся необъяснимые слухи, происходят непонятные события и исчезают люди, так что очень даже хорошо, что они не могут удаляться от пределов сновидческого мира. Однако по приграничным областям сновидческого мира они перемещаются свободно, порхая там крошечными коричневыми невидимками и принося на хвосте занятные байки, которыми потом обмениваются, коротая часы у огня в своем любимом лесу. Большинство из них обитает в земляных норах, кое-кто населяет стволы больших деревьев, и хотя в основном они питаются древесными грибами, ходят слухи, что они любят полакомиться и человечинкой, в телесном или бесплотном обличье, так как совершенно точно известно, что многие спящие вступали в пределы леса и более назад не возвращались. Картер тем не менее не испытывал страха, ибо он был опытным сновидцем и давно выучил их стрекочущий язык, и заключил с ними немало уговоров; и, в частности, обнаружил с их помощью чудесный город Селефаис в Оот-Наргае за Танарианскими горами, где половину года владевает великий царь Куранес, человек, при жизни известный ему под другим именем. Куранес был одним из тех, кто совершил путешествие в зазвездные бездны, но единственный вернулся оттуда с ясным рассудком.

Продвигаясь по низким флуоресцирующим туннелям межгигантских деревьев, Картер издавал стрекот, подражая зугам, и напрягал слух в ожидании их отклика. Он помнил, что одно поселение этих тварей находится в самом центре леса, где выложенный круг мшистых валунов на месте старой вырубki хранит память о древних и куда более страшных обитателях, ныне прочно позабытых, — и к этому-то кругу камней он и устремил свои стопы. Он держал путь мимо диковинных грибов, которые по мере приближения к страшному кругу камней, где древние твари устраивали свои пляски и приносили жертвоприношения, казались значительно более тучными и разросшимися. Наконец в ярком сиянии толстых и сочных древесных грибов обнаружилась угрюмая зелено-серая глыба, устремленная ввысь и теряющаяся из виду над куполом леса. Это был первый из каменных колоссов ритуального круга, и Картер понял, что он недалеко от деревни зугов. Возобновив свой стрекот, он стал терпеливо ждать, и в конце концов его терпение

было вознаграждено появлением мириад глаз, вперивших в него свой взор. Это были зуги, ибо сначала можно увидеть их зловещие глаза, а потом уж различить скользкие коричневатые тельца.

И вот они высыпали роем из потаенных нор и древесных стволов, и скоро вся тускло освещенная поляна кишела этими тварями. Кто-то из самых дерзких грубовато теребил Картера, а один даже нагло ущипнул его за ухо, но этих негодников очень быстро окоротили старейшины. Совет Мудрых, узнав пришельца, предложил ему бурдюк древесного сока, добытый из необычайного дерева-привидения, что выросло из упавшего с луны семени, и, пока Картер чинно пил предложенный ему напиток, завязалась весьма странная беседа. Зуги, к несчастью, не знали местонахождения Кадата и даже не могли сказать, обретается ли холодная пустыня в мире наших снов или в каком-либо ином мире. Слухи о Великих богах приходили отовсюду, и было очевидно лишь то, что скорее их можно узреть на высоких горных пиках, нежели в долинах, ибо на этих вершинах, когда луна высоко, а тяжелые облака клубятся внизу, они пускаются в свой ностальгический танец.

А потом один очень древний зуг вспомнил нечто, о чем не слыхивали прочие, и сказал, что в Улtare, за рекой Скай, до сих пор находится последний список тех невероятно древних Пнакотикских рукописей, что были составлены наяву мужами в позабытых арктических царствах и принесены в страну снов, когда косматый каннибал Гнофкес победил многохрамый Олатое и убил всех героев земли Ломар. Эти манускрипты, по его словам, могли поведать много о богах, и, кроме того, в Улtare были люди, которым довелось видеть знаки богов, и среди них один старый жрец, который взошел на великую гору, дабы узреть танцующих богов при лунном свете. Он, однако, не сумел достичь своей цели, а вот его спутник сумел и сгинул в безвестности.

Итак, Рэндольф Картер поблагодарил зугов, и те ответили ему дружелюбным стрекотом и дали ему на дорогу еще один бурдюк с вином из сока лунного дерева, и он отправился в путь по фосфоресцирующему лесу, туда, где быстрая Скай стремится свои потоки вниз по склону Лериона, а на равнине разбросаны Хатег, Нир и Ултар. Следом за ним, незримо порхая за его спиной, устремилось несколько любопытных зугов, которым хотелось узнать, что за страсть овладела гостем, и потом рассказать об этом своим соплеменникам. По мере того, как Картер удалялся от деревни, громадные дубы теснились все плотнее, и он внимательно искал глазами то место, где стена дубов должна была расступиться, чтобы перед ним возникли древние высохшие или

засыхающие стволы, торчащие между невиданно густых грибов, гнилой плесени и полых стволов своих падших собратьев. Там он должен был свернуть резко в сторону, ибо на том самом месте покоится на земле огромная каменная глыба, и те, кто отважился к ней приблизиться, говорили, что в нее вмуровано железное кольцо диаметром в три фута. Помня о древнем круге из мшистых каменных глыб и о том, для чего он был тут воздвигнут, зуги не рисковали надолго задерживаться у каменной глыбы с железным кольцом, ибо понимали, что забвение вовсе не обязательно означает смерть, и не горели желанием увидеть, как каменная глыба медленно сдвигается со своего места.

Картер свернул в нужном месте и услышал позади перепуганный стрекот робких зугов. Он предвидел, что они пустятся за ним следом, поэтому не удивился, ибо рано или поздно привыкаешь к странностям поведения этих пытливых созданий. Когда он подошел к лесной опушке, сгустились сумерки, а теперь посветлевшее небо подсказало ему, что близится рассвет. Над тучными лугами, сбегаящими к водам Ская, поднимался дымок из печных труб — повсюду виднелись заросли живой изгороди, вспаханные поля и соломенные крыши мирных хижин. Один раз он подошел к колодцу напиться, и собаки в испуге облаяли невидимых зугов, ползущих за ним в траве. Подойдя к другому двору, где было многолюдно, он спросил о богах, верно ли, что они часто пускаются в пляс на Лерионе, но фермер и его жена в ответ лишь изобразили знак Старцев и показали ему дорогу к Ниру и Ултару.

В полдень он прошел по широкой улице Нира, который некогда уже посещал во сне и который стал тогда конечным пунктом его маршрута, а вскоре после того он вышел к большому каменному мосту через Скай, тому самому, в чей центральный пролет каменщики, когда строили его тринадцать веков назад, вмуровали жертву — живого человека. Когда он перешел на другой берег, многочисленные кошки (при виде сопровождающих его зугов они воинственно выгнули спины) возвестили о близости Ултара, ибо в Ултаре, согласно древнему непререкаемому закону, человек не вправе убить кошку. Окрестности Ултара являли приятное глазу зрелище: зеленые коттеджики и обнесенные аккуратными заборами фермерские угодья, — а еще приятнее был вид тихого городка со старинными островерхими крышами и тяжелыми вторыми этажами с массивными балконами и бесчисленными печными трубами и узкими улочками, где меж спинами отдыхающих кошек виднелись темные камни брусчатки. Невидимые зуги распугали всех кошек, а Картер направился прямо к огромному храму Старцев,

где, как говорили, обитали жрецы и хранились старинные рукописи. И едва оказавшись в этой стоящей на вершине высочайшей горы Ултара древней круглой башне, чьи каменные стены увиты густым плющом, он отыскал патриарха Атала, который когда-то взошел на запретный пик Хатег-Кла и вернулся оттуда целым и невредимым,

Аталу, восседавшему на кафедре из слоновой кости в изукрашенном гирляндами алтаре в верхней части храма, было от роду три века, но он сохранил удивительную ясность сознания и памяти. От него Картер узнал много интересного о богах, и самое главное — что они и впрямь были единственными детьми Земли, немощно владычествующими над нашим сновидческим миром и более нигде не имеющими ни обители, ни власти. Они, по словам Атала, способны внять молитве, коли находятся в хорошем расположении духа, но нельзя даже помыслить о том, чтобы подняться в их ониксовую крепость на вершине Кадата в холодной пустыне. Это хорошо, что никому из смертных не дано узнать местонахождение башен Кадата, ибо плоды такого поиска были бы весьма удручающими. Спутника Атала по имени Барзай Мудрый за то только, что он поднялся на всем известный пик Хатег-Кла, унесла неведомая сила в небо, а он при этом отчаянно кричал и стонал. А что касается неведомого Кадата, то последствия могут оказаться куда страшнее, ибо хотя богов Земли иногда и может превзойти мудрый смертный, они находятся под покровительством Иных богов из Внешнего мира, о которых лучше вовсе не говорить. По меньшей мере дважды в мировой истории Иные боги оставляли свой знак на древнем земном граните — первый раз в допотопные времена, как можно догадаться по рисункам в самой древней и нечитабельной части Пнакотикских рукописей, и второй раз на Хатег-Кла, когда Барзай Мудрый попытался увидеть земных богов, танцующих в лунном свете. Так что, добавил Атал, лучше оставить богов в покое и тревожить их лишь смиренными молитвами.

Картер, хотя и разочарованный советом Атала и тем, что большой помощи от Пнакотикских рукописей и семи загадочных книг Хсана ждать не приходится, не отчаялся. Сначала он спросил старого жреца о чудесном предзакатном городе, который можно увидеть с горной террасы, полагая, что, вероятно, его можно отыскать и без помощи богов, но Атал ничего не мог ему поведать. Возможно, сказал Атал, это место обретается в его собственном мире снов, а вовсе не в большом сновидческом краю, посещаемом многими, и, кроме того, логично предположить, что оно и вовсе находится на другой планете. В таком

случае боги Земли не в силах стать ему провожатыми. Но, правда, скорее всего, это не так, ибо резкий обрыв сновидения ясно свидетельствовал: то было нечто, что Великие хотели от него утаить.

И тогда Картер совершил недостойный поступок, предложив хозяину испить множество глотков лунного вина, которое зуги дали ему в дорогу, и старец стал чересчур разговорчив. Утратив всякую осторожность, бедняга Атал выболтал гостю много запретных вещей, и в частности рассказал ему о гигантском лике, который, судя по рассказам путешественников, выбит на скалистом склоне горы Нгранек, что находится на острове Ориаб в Южном море, а также намекнул, что это то самое изображение, которое земные боги однажды сделали по своему подобию в те дни, когда плясали на той горе при свете луны. И еще он добавил, что черты этого лика на скале весьма странны и всякий без труда их запомнит, а потом узнает, и что они, вне всякого сомнения, несут в себе знаки принадлежности к истинному роду богов.

И теперь Картер понял, как полезно ему все то, что он узнал, для поиска богов. Известно было, что, принимая то или иное обличье, самые молодые из Великих частенько вступали в любовную связь с дочерьми человеческими, так что все крестьяне, живущие близ границ холодной пустыни, где стоит Кадат, должны быть связаны с ними кровным родством. Поэтому найти ту пустыню можно следующим образом: отыскать каменный лик на Нгранеке, запомнить его черты, а затем, точно перенеся их на бумагу, предпринять поиски людей с теми же чертами. В тех местах, где обнаружится наибольшее число похожих человеческих лиц, и обитают боги, и если где-то близ деревни есть каменистая пустыня, то в ней находится Кадат.

В таких укромных углах многое можно узнать о Великих, и те, в чьих жилах течет их кровь, наверняка унаследовали кое-какие обрывки воспоминаний, весьма полезных для ищущего. Людям могут быть неизвестны их пращуры, ибо боги не любят появляться среди людей, и нет никого, кто бы воочию видел их лики, — это Картер осознал еще до того, как пустился на поиски Кадата, но им должны быть свойственны необычные возвышенные помыслы, непонятные для их соплеменников, и они должны петь о далеких краях и садах, не похожих на те, что всякому могут привидеться во сне, отчего обыкновенные люди назовут их глупцами, но из этих отрывочных сведений, вероятно, можно узнать старинные тайны Кадата или уловить намеки на чудесный предзакатный город, в котором боги хранят свои тайны. И более того, в иных случаях кому-то удастся взять в заложники какое-нибудь

возлюбленное божье дитя, или даже полонить самого молодого бога, принявшего человеческое обличье и живущего среди людей со своей невестой — какой-нибудь прехорошенькой крестьяночкой.

Атал, однако, не знал, как найти Нгранек на острове Ориаб, и посоветовал Картеру идти берегом поющей Скай к самому Южному морю, где не бывал ни один житель Улгара, но откуда купцы приплывали на своих кораблях либо приводили длинные караваны мулов, впряженных в двуколки. Там есть великий город Дайлат-Лин, но в Улгаре о нем ходит дурная слава из-за черных галер с гребцами в три ряда, что приплывают туда с грузом рубинов из неведомых краев. Торговцы, которые сходят с этих галер и торгуют с местными ювелирами, — самые обычные люди, или почти что люди, но вот гребцов еще никому не доводилось увидеть, и в Улгаре ропщут из-за того, что городские купцы берут товар с приплывающих невесть откуда черных кораблей, чьи гребцы никому не показываются.

Эти последние сведения Атал поведал уже в полудреме, и Картер осторожно уложил его на инкрустированную эбеновым деревом лежанку и аккуратно расправил ему на груди бороду. Собравшись было уйти, он вдруг отметил про себя, что его больше не сопровождает приглушенный стрекот, и подивился, отчего это зуги так внезапно уняли свое любопытство и прекратили погоню. А потом он заметил улгарских лоснящихся кошек, которые облизывались с нескрываемым удовольствием, и тут же вспомнил, что, пока он беседовал со старым жрецом, с нижней части храма до его слуха доносились приглушенное чавканье и кошачий визг. Он также вспомнил, с какой кровожадностью самые безрассудные из молодых зугов поглядывали на крошечного черного котенка, сидящего посреди мостовой. И поскольку Картер более всего на свете любил черных котят, он наклонился и стал гладить лоснящихся улгарских кошек, облизовавших свои лапки, ничуть не печалься из-за того, что любопытные зуги более не будут сопровождать его в пути.

Солнце уже клонилось к закату, и Картер решил сделать привал в древней харчевне, примостившейся на крутом склоне, откуда открывался вид на городок внизу. И когда он вышел на балкон и бросил взгляд на океан красных черепичных крыш, и мощные улочки, и ласковые поля вдали, загадочно купающиеся в косых лучах солнца, он подумал, что мог бы навечно поселиться в Улгаре, кабы не воспоминания о потрясающем предзакатном городе, властно влекущем его к новым неизведанным опасностям. А потом пала ночь, и розовые стены

оштукатуренных фронтонов стали фиолетовыми и обрели загадочный вид, а в старых решетчатых оконцах один за другим вспыхивали крошечные желтые огоньки. В колокольне наверху зазвонили мелодичные колокола, и первая звезда замерцала в небе над лугами и над темными водами Скай. В ночи зазвучала песня во славу стародавних дней, и Картер стал слегка покачивать головой в такт звукам лютни, которые неслись из-за резных балконов и из мощеных мозаикой двориков скромного Ултара. И в этот час сладкими могли бы показаться даже голоса многочисленных ултарских кошек, кабы они не умолкли, отяжелев после диковинной трапезы. Некоторые укрылись в тайных углах, которые ведомы только лишь кошкам и, по словам деревенских жителей, располагаются на обратной стороне луны, куда кошки допрыгивают с высоких городских крыш, но один крошечный черный котенок вскарабкался вверх по лестнице, вспрыгнул Картеру на колени и стал урчать и играть, а когда путник улегся наконец на лежанку и приклонил голову на подушку, набитую благоуханными дурманящими травами, котенок свернулся калачиком у его ног.

Утром Картер присоединился к каравану купцов, державших путь в Дайлат-Лин с грузом ултарской спряденной шерсти и капусты с ултарских огородов. Шесть дней они были в пути, под перезвон колокольцев двигаясь по ровной дороге вдоль Ская, останавливаясь на ночлег в старинных постоялых дворах в сонных рыбацких поселках, а иногда проводя ночь под звездным небом и вслушиваясь в доносящиеся с дремлющей реки песни рыбаков. Окружающий пейзаж радовал глаз: зеленые кустарники и роци, и живописные островерхие домики, и восьмигранные громады ветряных мельниц.

На седьмой день на горизонте показалось перышко дыма, и вскоре путники увидели высокие черные башни Дайлат-Лина, сложенные по преимуществу из базальтовых глыб. Дайлат-Лин с его тонкими гранеными башнями издали казался похожим на мост гигантов, и улицы его были мрачны и неприветливы. Там у многих пирсов теснилось немало печальных таверн, а в городе бродили диковинные моряки со всех концов света, а кое-кто, как поговаривали, прибыл даже из портов, коим нет места на земле. Картер опросил диковинно одетых горожан о горе Нгранек на острове Ориаб и узнал, что тут она всем хорошо известна. Из порта Бахарна на том острове сюда прибывали корабли, и один из них должен был вернуться туда через месяц, а Нгранек находится всего-то в двух днях плавания от того порта. Но мало кто видел каменный лик бога, потому что он находится на труднодоступной

стене Нгранека, которая смотрит на острые утесы и долину, покрытую застывшей лавой. Когда-то жители той части острова чем-то прогневили богов, и те пожаловались Иным богам.

Непросто было выудить эти сведения у торговцев и моряков в тавернах Дайлат-Лина, потому что они предпочитали шепотом рассказывать о черных галерах. Одна из этих галер через неделю должна была прибыть в порт с грузом рубинов, и горожане с ужасом ожидали дня, когда она бросит здесь якорь. У сходявших с этих галер купцов были огромные рты, а их тюрбаны, с торчащими над лбами двумя верхушками, свидетельствовали о дурновкусии их владельцев. Их ноги были обуты в сандалии — короткие и диковинные, каких не найти в Шести царствах. Но тревожнее всего была тайна, связанная с невидимыми гребцами. Весла в три ряда сновали так быстро, так слаженно и так мощно, что у стоящих на берегу зрителей по спине бежали мурашки, и совсем уж странным казалось то, что корабль неделями стоял в порту, его купцы всю торговали, а команду никто в глаза не видел. И владельцы дайлатлинских таверн, и зеленщики, и мясники также этому дивились, ибо на эти галеры никогда не посылалось ни фунта провизии. Приезжие купцы покупали в городе лишь золото и упитанных чернокожих рабов из Парга за рекой — только золото да тучных черных рабов из Парга, цену которым они назначали из расчета за фунт живого веса. Больше они ничего не брали, эти малоприятные на вид купцы, никогда и ничего они не покупали ни у зеленщиков, ни у мясников. А запахи с тех галер, которые южный ветер доносил с пирса, были так ужасны, что и описать невозможно. Вынести этот смрад могли лишь самые стойкие из завсегдатаев таверн, да и то лишь постоянно куря свои трубки с крепчайшими душистыми травами. Дайлат-Лин никогда не допустил бы эти галеры в свои пределы, кабы рубины можно было добывать где-то еще, но ни один рудник во всем сновидческом мире не давал таких камней.

Об этом и о многом другом судачил разноязыкий народ Дайлат-Лина, покуда Картер терпеливо дожидался корабля из Бахарны, который мог доставить его к острову, где голыми изваяниями громоздятся высокие башни Нгранека. Тем временем он не уставал расспрашивать гостей из далеких краев о всевозможных преданиях, которые они могли слышать о Кадате в холодной пустыне или о чудесном городе с мраморными стенами и серебряными фонтанами, появляющемся под высокой террасой в предзакатный час. Об этом, однако, он ничего не узнал, хотя как-то ему показалось, что у одного старого косоглазого

купца при упоминании о Кадате в холодной пустыне странным образом вспыхнули глаза. Этот старец, как говорили, давно торговал с ужасными каменными деревьями на льдистом пустынном плато Ленг, куда ни один здравомыслящий человек не отваживался забираться и чьи мрачные костры издали виднеются в ночи. Ходили слухи, что он даже вел какие-то дела с верховным жрецом, о ком лучше не упоминать и который носит желтую шелковую маску на лице и обитает затворником в древнем каменном монастыре. То, что этот старик мог иметь деловые сношения с существами, обитавшими в холодной пустыне, сомнений не вызывало, но Картер вскоре понял, что об этом его бесполезно даже спрашивать.

А вскоре безмолвная и зловещая черная галера вошла в гавань мимо базальтового вельса и высокого маяка, испуская невероятный смрад, который южный ветер тут же донес до города. В тавернах на берегу пронесся ропот, и вскоре появились смуглые большеротые купцы в горбатых тюрбанах, которые отправились искать ювелиров. Картер внимательно их рассмотрел, и чем больше он их разглядывал, тем меньше они ему нравились. Потом он увидел, как они привели тучных чернокожих мужчин из Парга, и те поднимались по сходням на диковинную галеру, недовольно бурча и потея, и подумал, в каком уголке земли — если на земле — этим несчастным работникам суждено трудиться.

А в третий вечер один из зловещих купцов, мерзко ухмыляясь, заговорил с Картером и намекнул, что слышал в городских тавернах разговоры о его поисках. Он, похоже, знал нечто тайное, что нельзя было произнести во всеуслышание, и, хотя голос его был невыносимо отвратительным, Картер решил, что многоопытностью этого путешественника стоит воспользоваться. Посему он пригласил его к себе в уединенную комнату наверху, и, дабы развязать своему собеседнику язык, достал последний бурдюк с лунным вином зугов. Диковинный купец много пил, но напиток не возымел на него никакого действия. И тогда он вытащил необычную бутылку со своим вином, и Картер, приглядевшись, увидел, что та бутылка представляет собой полный рубин, причудливо изукрашенный замысловатой узорчатой гравировкой. Купец предложил хозяину свое вино, и, хотя Картер выпил лишь маленький глоточек, он тотчас почувствовал головокружение: вокруг него все поплыло, и он очутился посреди самых настоящих джунглей. А улыбка на лице его гостя становилась все шире и шире, и последнее, что увидел Картер перед тем, как провалиться во тьму,

было смуглое злобное лицо, искаженное приступом сатанинского хохота, и еще нечто совершенно неопишемое под одной из двух передних складок тюрбана, которая в порыве этого эпилептического веселья вдруг распустилась.

В следующее мгновение Картер пришел в себя: он учуял чудовищный смрад и увидел, что лежит под навесом на борту корабля, а вдали за бортом с невероятной быстротой проносятся чудесные берега Южного моря. Он не был прикован цепями, но три смуглолицых купца стояли поодаль и сардонически ухмылялись, и от самого вида высоких складок на их тюрбанах Картер ощутил почти такой же приступ тошноты, какой вызывало у него жуткое зловоние, поднимавшееся из зловещего трюма. Он видел, как мимо проносятся величественные земли и города, о которых его земной приятель-сновидец — хранитель маяка в древнем Кингспорте — частенько рассуждал в стародавние дни, и узнал храмы Зака, обиталища позабытых снов, и шпили бесславного Фалариона, демонического города тысячи чудес, где правит призрачный идол Лафи, и кладбищенские сады Зуры, края недостижимых наслаждений, и двуглавый хрустальный мыс, чьи пики, встречаясь, образуют высокую арку, сторожащую вход в гавань Сона-Нил, благословенной фантастической страны. Мимо всех этих чудесных мест угрюмо летел зловонный корабль, подгоняемый могучими ударами весел, которые сжимали руки незримых гребцов в трюме. И еще не отгорел день, как Картер увидел, что гребцы направили галеру прямо на Базальтовые колонны запада, за которыми, как гласит простонародная молва, лежит чудесная Катурия, и, как известно мудрым сновидцам, находятся врата чудовищного водопада, откуда океаны земного мира низвергаются в бездну и сквозь пустые пространства устремляются к иным мирам и иным звездам, к кошмарным безднам вне пределов нашего упорядоченного космоса, туда, где в хаосе, под топот и трубные гласы и адский танец Иных богов, вместе с их духом и посланником Ньярлатотепом, жадно жует султан демонов Азатот, безглазый, безгласный, мрачный и безумный...

Тем временем три сардонически ухмыляющихся купца ни словом не обмолвились о своих намерениях, хотя Картер догадывался, что они заодно с теми, кто хочет отвратить его от поиска. В сновидческом мире известно, что у Иных богов есть много клеветов, посланных в гущу людей, и все эти клеветы, имея вполне или не вполне человеческий облик, ревностно творят волю безглазых и безгласных тварей в обмен на благодеяния их ужасного духа и посланника, ползучего хаоса

Ньярлатотепа. Поэтому Картер сделал вывод, что смуглые купцы в уродливых тюрбанах, прослышав о его дерзком поиске Великих в их замке на Кадате, решили похитить его и доставить к Ньярлатотепу за неведомое вознаграждение, которое им посулили. Откуда прибыли эти купцы — то ли из наших земных краев, то ли из сверхъестественных пространств за их пределами — Картеру оставалось только гадать, и он мог лишь вообразить, на каком адском перекрестке его похитители встретятся с ползучим хаосом, чтобы выдать ему свою жертву и получить причитающуюся награду. Он знал, однако же, что ни одно человеческое или почти человеческое существо, подобное этим тварям, не осмелится приблизиться к недостижимому мрачному трону демона Азатота в бесформенной запредельной пустоте.

На закате купцы стали облизывать исполинские губы, и их очи жадно засверкали, и тогда один из них спустился в трюм и вернулся из какой-то потаенной и пугающей каюты с котелком и полной корзиной тарелок. Затем они уселись на корточки в кружок под навесом и стали есть дымящееся мясо, передавая котелок из рук в руки. Но когда они предложили порцию Картеру, очертания и размеры куска мяса нагнали на него сущий ужас, поэтому он побледнел больше прежнего, и, когда все отворотили от него взоры, он украдкой швырнул мясо за борт. И вновь он стал размышлять о том, что же это за невидимые гребцы внизу и какую же загадочную пищу они вкушают, чтобы подерживать свои неиссякаемые силы.

Было уже совсем темно, когда галера прошла между Базальтовыми колоннами запада и шум чудовищного водопада впереди стал усиливаться. А потом взметнулся мощный веер брызг, затмив звезды на небе, и палуба вмиг покрылась влажным покровом, и судно заплясало в бурлящем потоке, предвещавшем близость водного обрыва. А затем со странным свистом и толчком они совершили прыжок, и Картер испытал отчаянный ужас, точно в ночном кошмаре, когда палуба ушла у него из-под ног и гигантский корабль беззвучной кометой низринул в межпланетное пространство. Никогда прежде не знал он, что за бесформенные черные твари носятся, кружатся и пляшут в эфире, усмешкой и хохотом встречая редких в их пределах путешественников и стараясь дотронуться до них своими склизкими лапами, если пролетающий мимо предмет возбудит их любопытство. Это безымянные личинки Иных богов, и, подобно последним, они безглазы, и безумны, и томимы жесточайшими голодом и жаждою.

Но омерзительная галера устремилась вовсе не туда, куда боялся попасть Картер, ибо вскоре он увидел, что рулевой направил ее прямым курсом к лунному серпу, сияющему все ярче по мере их приближения, и скоро уже показались лунные кратеры и горные пики. Корабль летел к лунному окоему, и вскоре стало ясно, что пунктом его назначения была загадочная незримая сторона, которая вечно отвернута от Земли и которую ни один человек, за исключением разве что сновидца Снирет-Ко, никогда не видел. Зрелище лунных ландшафтов взволновало Картера не на шутку, и ему не понравились ни размеры, ни очертания руин, которые виднелись повсюду. Мертвые храмы на горах были расположены так, что было ясно: их воздвигли во славу далеко не славных богов, а в симметрии разрушенных колонн угадывался некий тайный и мрачный смысл, не подвластный человеческому разумению. И что это были за древние богопоклонники и каков мог быть их облик, Картер решительно не догадывался.

Когда же корабль обогнул окоем и поплыл над лунной поверхностью, не видимой человеку, в странном пейзаже внизу появились первые признаки жизни, и Картер увидел множество низких круглых домов посреди полей, поросших причудливыми белесыми грибами. Он отметил, что в домах нет окон, и подумал, что своей формой они напоминают эскимосские иглу. Потом он увидел маслянистые волны сонного моря и тут только понял, что дальше они продолжат путь вновь по воде, или, во всяком случае, по жидкой субстанции. Галера с жутким шумом рухнула на воду, и Картер подивился тому, каким мягким объятьем встретила морская гладь корабельное днище. Теперь они мчались по волнам с огромной скоростью, то и дело обгоняя схожие по форме галеры, но перед взором Картера маячило лишь безбрежное море и усыпанное звездами черное небо, хотя где-то на горизонте ослепительно сияло солнце.

Вскоре впереди показались зубчатые горы белесого, точно чешуйчатого, побережья, и Картер увидел могучие и неприглядные серые башни города. Узнику стало совсем не по себе при виде того, как они наклонены, и как громоздятся на берегу, и что все они без окон, и он горько пожалел о своей глупости, когда так бездумно хлебнул хмельного вина, предложенного ему купцом в уродливом тюрбане. Берег приближался, и исходившее от его башен жуткое зловоние усиливалось. Картер увидел, что склоны зубчатых хребтов покрыты лесами, причем ему удалось разглядеть отдельные деревья, и они странным образом показались ему похожими на то одинокое лунное дерево в

зачарованном лесу на земле, из чьего сока крохотные коричневые зуги делают свое диковинное вино.

Теперь Картер мог различить движущиеся фигурки на вонючем причале, и, чем пристальнее он их разглядывал, тем большим страхом и отвращением наполнялась его душа, ибо в их облике не угадывалось ничего человеческого, это были исполинские серо-белые скользкие твари, которые сокращались и расширялись, и своими очертаниями — они постоянно меняли форму — были похожи на безглазых жаб с непрерывно вибрирующими короткими розовыми щупальцами на конце тупой морды. Эти твари деловито сновали по набережной, без усталости перетаскивая с места на место ящики, тюки и коробки, и носились между берегом и стоящими на якоре галерами, сжимая в передних лапах длинные весла. И то и дело кто-то из них сгонял с галер небольшие группки рабов, которые были почти что люди, но с огромными ртами, вроде тех купцов, которые вели меновую торговлю в Дайлат-Лине, да только эти несчастные, без тюбанов, разутые и раздетые, совсем потеряли человеческий облик. Кое-кого из рабов — самых толстых, кого жабы-десятские ощупывали со знанием дела, — выгружали с кораблей и сажали в деревянные клетки, которые портовые рабочие заталкивали в низкие пакгаузы или грузили на огромные повозки.

После того как очередная повозка заполнилась и покатила прочь, у Картера, уже повидавшего в этом богомерзком месте немало мерзейших чудовищ, даже перехватило дыхание, стоило ему увидеть, что за диковинная тварь впряжена в нее. Время от времени группы рабов в такой же одежде и в таких же тюбанах на головах, что и на смуглых купцах, поднимались на галеры, а за ними шли толпы жабообразных тварей — матросы, лоцманы, гребцы. И Картер увидел, что человекоподобные существа выполняли самые презренные виды подневольной работы, для которой не требовалась физическая сила, — стояли у штурвала, готовили пищу, были посыльными или вели торговлю с жителями Земли и иных планет. Эти существа, должно быть, прекрасно чувствовали себя на Земле, ибо, одетые и обутые, в тюбанах, они почти ничем не отличались от людей и могли смешаться с шумной толпой на рыночных площадях или в лавках, не вызывая ни замешательства, ни недоуменных вопросов. Но большинство из них, за исключением самых худосочных и уродливых, раздевали и заталкивали в тесные клетки и увозили на громыхающих повозках, запряженных фантастическими существами. Иногда с галер сгоняли других существ, кое-кто из которых был очень похож на почти-людей, кое-кто не очень похож, а

некоторые и вовсе странного обличья. И Картер подумал, не ожидает ли кого-то из несчастных чернокожих толстяков из Парга печальная участь быть посаженным в клетку и увезенным в глубь острова на ужасных повозках.

Когда их галера причалила к замызганному и грязному пирсу, сложенному из окаменевших губок, и из трюма высыпала чудовищная орда жабообразных, двое из них подхватили Картера под руки и поволокли на берег. Зловоние и самый вид этого города произвели на Картера ужасающее впечатление, и в его мозгу запечатлелись лишь отрывочные видения мощеных улиц, и черных подъездов, и бесконечной вереницы высоченных серых стен без окон. Наконец его втолкнули в низкий дверной проем и заставили подниматься по бесконечной лестнице в крошечной тьме. Было совершенно очевидно, что жабообразным все равно, где находиться — на свету или во мраке. Запах стоял тошнотворный, и, когда Картера заперли одного в каком-то помещении, он с трудом собрался с силами, чтобы ползком обследовать свою новую обитель. Комната была круглая, около двадцати футов в диаметре.

Потом время словно остановилось. Через равные промежутки ему приносили еду, но до нее Картер не дотрагивался. Он не знал, какая его ждет участь, но интуитивно чувствовал, что его держат тут в ожидании страшного духа и посланника бесконечности Иных богов, ползучего хаоса Ньярлатотепа. Наконец по прошествии нескончаемо долгих часов или дней исполинская каменная дверь отверзлась, и Картера повели вниз по лестнице и вытолкнули на залитые красными бликами улицы страшного города. На Луне была ночь, и по всему городу были расставлены рабы с пылающими факелами в руках.

На какой-то мерзкой площади они выстроились в некое подобие процессии: десять жабообразных и двадцать четыре человекоподобных факелоносца — по одиннадцать с каждой стороны и по одному спереди и сзади. Картера поставили в самую середину колонны, пятеро жабообразных шли позади него и пятеро — впереди, и по одному человекоподобному факелоносцу было справа и слева. Некоторые жабообразные достали резные флейты из слоновой кости и стали извлекать из них омерзительные звуки. Под их адскую музыку процессия покинула мощеные улицы города и вышла на объятую ночным мраком равнину, поросшую отвратительными грибами, и вскоре двинулась вверх по склону низкого пологого холма. Картер ничуть не сомневался в том, что где-то на ужасном склоне или на богомерзком плато их поджидает ужасный ползучий хаос, и он лишь молил, чтобы

этот кошмар поскорее завершился. Завывание сатанинских флейт было невыносимым, и он отдал бы все на свете, лишь бы услышать голос, хотя бы отдаленно напоминающий человеческий, но жабообразные были немые, а рабы безмолвствовали.

И вот сквозь звездный мрак прорезался нормальный звук. Он донесся с высоких гор вдалеке и эхом отразился от всех зубчатых вершин вокруг, соединившись в нестройный пандемический хор. Это был полуночный кошачий крик, и тут Картер понял, что деревенские жители правы в своих догадках — существуют таинственные области, ведомые только котам, куда кошачьи старейшины убегают тайком по ночам, прыгая с самых высоких крыш. И ведь верно, что прыгали они на оборотную сторону Луны, чтобы порезвиться на лунных горах и побеседовать с древними тенями; и вот, бредя в середине процессии зловонных существ, Картер услышал их привычный дружелюбный клич и враз вспомнил о высоких крышах, горячих очагах и освещенных окошках родного городка.

Рэндольф Картер владел кошачьим языком почти в совершенстве, и в этом жутком краю он издал подходящий для ситуации вопль. Но этого даже и не требовалось, ибо, как только его губы раскрылись, он услышал, что кошачий хор стал громче и ближе, и увидел, как на фоне звезд быстро замелькали тени и крохотные кошачьи силуэты, элегантно перепрыгивая с холма на холм, начали собираться в многочисленные стаи. Он издал кошачий зов, и, прежде чем участников мрачной процессии объял страх, на них, точно штормовой прибой, обрушились тучи вздыбленной шерсти и волны убийственных когтей. Флейты замолкли, и в ночи раздались ужасные крики. Умирующие человекоподобные визжали, а коты шипели, фыркали и урчали, а жабообразные не издавали ни звука, когда их вонючая зеленая сукровица орошала пористую землю, поросшую мерзкими грибами.

В свете факелов зрелище было чудовищное. Картеру никогда в жизни не приходилось видеть такую армию кошек. Черные, серые, белые, желтые, полосатые и бог знает какие еще, обычные домашние, бесхвостые, тибетские, персидские, египетские — все смешались в вихре схватки, и над ними висела пелена той неподдельной и неоскверняемой святости, благодаря которой была прославлена их богиня в величественных храмах Бубастиса. Кошки мощными прыжками кидались к горлу человекообразных или вцеплялись в розовый пучок щупальцев жабоподобных и яростно низвергали их на поросшую грибами равнину, где мириады их собратьев тучей набрасывались на поверженную жертву

СОДЕРЖАНИЕ

Сомнамбулический поиск неведомого Кадата (повесть) 3

Рассказы

Герберт Уэст, реаниматор..... 108

Очень древний народ..... 142

Скиталец тьмы..... 151

Тварь на пороге..... 178

Загадочный дом на туманном утесе 208

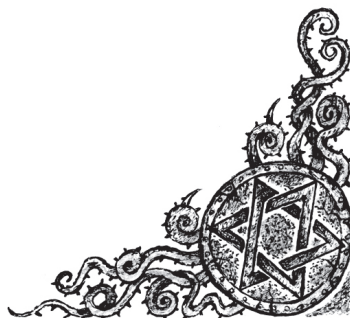
Дерево 218

Селефаис..... 223

Иранон..... 230

Из глубин мироздания..... 237

Преображение Хуана Ромеро..... 246

Литературно-художественное издание

ГОВАРД ФИЛЛИПС ЛАВКРАФТ
РЕАНИМАТОР

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ № .

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 04.2024. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «ТАТМЕДИА»

Филиал «Полиграфическо-издательский комплекс "Идел-Пресс"».
Юр. адрес: 420097, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академическая, д. 2
Факт. адрес: 420066, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Декабристов, здание 2